

Правда жизни

1.

Как обычно, после работы, когда овцы в загонах были накормлены и напоены, Фаяз зашёл в жилую пристройку к овчарне.

Жалейка лежал на диване перед телевизором и досматривал «Вести».

— Ну и жара сегодня на улице, даже у нас такое нечасто, — обратился Фаяз к своему бригадиру, усаживаясь в продавленное кресло под потёртым пледом.

— Это да, просто кошмар какой-то, мухи — и те не летают. Мозги плавятся от солнца. Самое время людям с ума сходить, — оторвал голову от подушки Жалейка.

— Что там говорят, Игорь? Скажи и мне, тоже знать буду. А то толком послушать, посмотреть совсем некогда.

— Какие тут новости? Новости сейчас в Сирии, — свесил ноги с дивана Жалейка.

— Всё воюют там?

— Воюют. Дикие люди.

— А что дикие, Игорь, расскажи? — Фаяз по-хозяйски налил себе чаю.

— Сам посуди, Фёдорыч. Вот объявили, что город какой-то от ваххабитов освободили. Так в нём несколько сотен рабов нашли. Баб да девок в основном, что в гаремах держали, но и мужиков хватало — пахали на них за баланду. Как это в наши дни возможно, чтобы рабы были, а? Рабство уже тысячу лет как отменили, законом запретили давно, а у них всё не как у людей. Вот и выходит, что дикие они, словно в первобытном строе остались. У нас за такое сразу башку открутили б. Русские — народ вольный, к рабству не привычный. — Да, Игорь, твоя правда. Русский брат — крепкий человек, гордый. Владимир Ленин ещё говорил: «Мы не рабы, рабы не мы». Знаю, в школе учил. В Сирии Ленина не было, кто им скажет?

2.

Жалейка пришёл наниматься на работу к Фаязу по объявлению, которое обнаружил на одной из автобусных остановок в областном центре. На тетрадном листке, прилепленном скотчем к столбу, было написано: «Возьмём на работу в сельское

предприятие молодого крепкого мужчину без вредных привычек, можно без опыта. Зарплата достойная. Жильём и питанием обеспечим». А Жалейке как раз именно жильё и питание — самое главное. После армии он обратно в родительский дом не пошёл, хватило тех лет, пока в школе учился. Пьяной жизни папаша натерпелся под завязку: скандалы да мордобой у парня в печёнках сидели. Сам к спиртному не притрагивался, запаха — и того не выносил. А уж чтобы дальше жить среди алкогольного угара, тут и разговора не было. Несколько лет Жалейка помыкался по съёмным квартирам и углам да с перекуросами от случая к случаю. Работал то охранником, то сторожем, то на стройке, а то и просто на подхвате. Получал не ахти, а деньги расходовать на жильё, еду, одежду и прочие радости приходилось немалые. В итоге к тридцати годам Жалейка ни собственным углом, ни накоплениями, ни семьёй так и не обзавёлся. И перспектив никаких. Да и откуда им взяться, перспективам этим, если Жалейка в школе не усердствовал, а так, штаны протирал? Девять классов с грехом пополам закончил да в хабзайку подался. Он и помыслить тогда не мог, что это образование может полезным оказаться. Всё ему по юности мечталось о хлебной и романтической бандитской жизни. Папашины дружки-алкоголики часто рассказывали о воровском счастье, крутых тачках, податливых красавицах и вкусной еде. Жалейка их слушал, раскрыв рот, но голова всё же соображала. Как-то не вязались эти байки с тем, что из себя представляли горе-рассказчики. Потом о службе в полиции задумался и даже сразу после армии на несколько месяцев туда пристроился, но ушёл. А всё из-за этой чёртовой жалости, что в нём с детства поселилась. Не мог Жалейка руки на более слабого поднять. На равного мог — до остервенения бился, а вот на слабого... Опускались руки, и всё тут. А как с таким никчёмным качеством в бандиты или менты? Там сила в почёте и беспредел. Потому и кличку такую за собой таскал, что каждый раз, когда жёсткости от него ждали, произносил: «Жалко».

А ещё у Жалейки качество в характере было — справедливому хозяину честно служить. Фаяз эту его черту сразу ухватил и к Жалейке по-особому относился, со снисходительным уважением.

Позволял ему то, что другим работникам было заказано. Жалейка, к примеру, и лежать мог при Фаязе, и чай пить с ним запросто. Фаяз, как только Жалейку увидел, сразу к нему расположение почувствовал. Здоровый, высокий, под два метра, розовощёкий молодой мужик, веса в котором больше центнера. Хороший работник, крепкий. И взгляд открытый, прямой, без хитринки. Преданный работник. Голос уверенный, без подобострастия, с уважением к хозяину. Верный работник, защитит, если надо. Жесты такие же спокойные, размеренные, не дёрганные, не суетливые. Честный работник, не вор.

Уже через десять минут беседы Фаяз знал, что Жалейку из рук не выпустит, такие работники на улице не валяются. Такой работник на вес золота: доход хороший принесёт и предан будет, как алабай.

— Дам тебе, Игорь, поначалу испытательный срок три месяца — ну, так везде теперь, сам знаешь.

— Знаю, Фаяз Фархутд-динович, — запнулся в имени Жалейка

— Ничего, Игорь, все трудно говорят имя моего отца, — улыбнулся Фаяз. — Называй меня Фёдор Фёдорович, можешь просто Фёдорович, так легче.

— Хорошо.

— Зарплата девяносто процентов от той, что потом платить стану. Питание три раза, как сам захочешь. Мясо будешь брать со скидкой, молоко, овощ, банан-шманан какой, чай там, хлеб, сахар, макарон, крупу — всё по ценам как на базе. Заходи в мой магазин, продавцам скажу, они тебе дадут сколько надо, запишут в тетрадь, в получку отдашь. Устроит тебя?

— Устроит, — согласно кивнул Жалейка.

— Жить будешь пока у овчарни, там пристройка хорошая, крепкая, в ней вода есть, мебель есть, телевизор есть, холодильник-морозильник есть, газ есть. Честно, запах немного — овцы рядом, но дихлофос-миклофос возьмёшь, побрызгаешь там-здесь — как в розах жить будешь. Через неделю туда селись, пока там ремонт сделаем. Неделю у бабки Насти, соседки моей, поживёшь, я ей скажу. Покажешь себя — другую комнату дам, в своём доме. Согласен, Игорь?

— Согласен.

— По рукам, — протянул Жалейке свою толстую ладонь Фаяз.

— По рукам, — крепко пожал её Жалейка.

Работа у Жалейки пошла с первого дня. Все работники Фаяза как-то сразу признали Жалейку своим бригадиром и беспрекословно стали выполнять его указания. Новый начальник ни на кого не кричал, руками не размахивал, говорил спокойно, уверенно и смотрел на подчинённого так, что тому и в голову не приходило перечить. Единственный, кто его не признавал, это Сашка

Дробок. Жалейку он просто возненавидел после того, как Фаяз к нему с новостью подошёл.

— Ты, Сашка, перейди с Нинкой в овчарню завтра, я ремонт в пристройке начну, — сверкнул новыми зубами Фаяз.

— Мне и без ремонта там хорошо, — заулыбался было Дробок.

— Ты не понял, — сощурил свои и без того узкие глазки Фаяз. — Вы с Нинкой переезжаете в овчарню. Тут новый бригадир жить будет. Начальник твой.

— Это, брат, куда переезжаем, в какую овчарню? — вытянулось лицо у Дробка. — Там же овцы да бараны одни!

— Ничего, бараны тоже живые твари. В твоей Библии что написано? Возлюби тварей Божьих. Вот и возлюби, — нахмурился в ответ на Сашкино недоумение Фаяз. — Перегородку сегодня мужики у входа поставят, живи — не горюй.

— Да ты чего, Федька, опупел, что ли? — подступил к Фаязу Дробок. — Мы что с Нинкой — скотина тебе, что ли?

— Скотина в загоне живёт, а вы с Нинелью в комнате отдельной жить будете, совсем как падишахи. Люкс-номер заделаем.

— Какие ещё шахи, какой люк? Ты чего, издеваешься? Пусть там твой бригадир селится. Мы же братья с тобой.

— Э, Сашка, какие братья-шматья? У меня Азиз брат, Акрам брат, а ты кто такой? Не хочешь в комнате под крышей жить — иди в поле, кто держит?

3.

С того дня два лютых врага появились у Дробка: предатель Фаяз и его первый прихвостень Жалейка.

— Сожгу я их, Нинка, обоих сожгу, — грозился пьяный пятидесятилетний жилистый мужичок своей супруге, — не прощу Федьке. Обманул меня, урод, братом называл, а теперь со скотиной жить?!.. Сожгу его, и баранов тоже сожгу!

— Чего грозишься зря? Никого ты не сожжёшь, кишка у тебя тонка, — брезгливо морщилась жена. — У тебя только и храбрости, что меня колотить да скотину пинать.

— Заткнись, Нинка, урою, — замахнулся на жену Дробок. — Сказано — сожгу, значит, сожгу. И этого его бригадиришку порешу. Суки, будут Дробка помнить. Федька, гад, дома лишил, земли, на этого бугая променял. Не прощю ему!

4.

Сашка Дробок ещё в школе Нинэль обхаживать начал, учились-то с разницей в год. Вот Сашка и присмотрел себе подружку-семиклассницу, веселушку с пухлыми щёчками, конопущками на носу да косой ниже пояса. Краса, что и говорить. Да и сам Санёк тоже не из последних был. Хулиган записной и неслух. Да и двоечник, каких поискать.

Хотя учителя между собой говорили, что не без способностей парень, да вот ленив больно.

Сашка стал Нинку домой из школы провожать, портфель за ней носить. Бывало, соперников поколачивал, когда и Нинке доставалось, если она уж слишком явно улыбалась кому другому. Нинка его прощала, нравилось ей, что за ним как за каменной стеной. Никто и не удивился, когда Сашка с Нинкой свадьбу сыграли, как только жених из армии вернулся. Хотя жили вместе ещё со школы. Хорошо ещё, ума хватило до совершеннолетия в поделе не принести. Зато потом...

Отыгрались по полной. Чуть ли не каждый год по ребёнку. За десять лет семерых наплодили. В районе их в пример ставили, как традиции соблюдать. Дробки всё это отмечали, конечно. Много праздников в доме стало: весело жить начали, с размахом. Тут и дни рождения, и именины, и Новый-старый год с Рождеством и сочельником, Пасха, октябрьские, майские, День конституции, первое сентября, День печати и День строителя. Последний праздник — чуть ли не главный. А как иначе? Сашка же в стройбате служил. Вот так, гуляя, Дробок и не заметил, как с постоянной работы скатился на подёнщину у односельчан: кому огород перекопать, кому дров нарубить, кому забор выправить. Ну и оплата, соответственно, всё больше самогоном да вином дешёвым. У Нинэли и того хуже с работой дела обстояли. Даже не подрабатывала, рассчитывала только на декретные да на детские пособия. Каждую выплату праздновала и детей воспитывала: кому подзатыльника, а кому и пряника. Трудная жизнь у матери-героини.

В один из таких праздников Сашка батьке своему так по макушке врезал, что тот через месяц в могилу сошёл. Перед этим всё на голову жаловался: мол, памяти не стало, и трещит, зараза, постоянно. Умер себе и умер, никто и близко на Сашку не подумал, да и сам он забыл через три дня, что папаше по кумполу настучал — вино не поделили. Дробок отца схоронил и задумался, как дальше жить. Отец по инвалидности пенсию получал, вёл домашнее хозяйство, держал корову, поросёнка, кур-уток. Худо-бедно Дробки без еды никогда не были. А после смерти старика пенсию давать прекратили, и за скотиной смотреть некому стало. Сашке с Нинэлью недосуг — один калымит, другая у плиты стоит, а деткам и подавно не до животины: они по улице носятся до ночи да шкодят кругом, если глаза за ними нет. Вот Сашка корову и свёл к Фаязу, чтоб забот не было. Тот в деревне на квартире у бабки Насти жил и скотину на мясо у местных скупал, а когда и просто крал, если случай подворачивался. Дробка Фаяз почти не обманул, две трети суммы сразу заплатил, остальное в рассрочку договорились. Такое дело Сашка решил обмыть на радости, сумма-то приличной оказалась. Хоть Фаяз и не пил, но с Дробками посидеть

за столом не отказался, будто чувствовал свою от них выгоду, — и прав оказался. Дружба быстро завязалась. Прощались, будто с пелёнок вместе. — Друг ты мне, Федька, теперь навеки. Мой дом — твой дом. Двери всегда тебе открыты, ночью придёшь — пустим, — обнимал пьяный Сашка Фаяза. — И ты мне друг, Сашка, — радовался знакомству Фаяз, чувствуя начало важных перемен в своей жизни.

Деньги Дробок прогулял быстро и скоро загрустил. Глядя на поникшего друга, Фаяз начал ему помогать: стал приносить чуть ли не каждый вечер вино тому в дом, деток карамельками одаривать. Когда и ливера подбрасывал с маслаками для супа. Порой за стол подсаживался и начинал Сашке на жизнь свою жаловаться.

— Пойми, Сашка, вот приехали мы к вам, как к братьям, с поклоном. Война нас проклятая с нашей земли выгнала. Не дай Бог никому такого горя испытать. Всё потеряли в один час. Дом сгорел, землю бросили, скотину, ели ноги унесли. Сколько баранов у нас было — не сосчитать. Пришли безбожники, всё забрали. Мы голые оттуда бежали. Ничего не успели взять. Только детей, слава Аллаху, удалось спасти. Ночью бежали, куда бежали — не понимали. Ноги сами к вам привели. Вы нам всегда братьями были. Со всей душой к нам, по справедливости.

— Да, мы такие, — приосанившись соглашался пьяный Дробок, — последнее отдадим, а братьям поможем.

— Я знаю, вы щедрые. Вот плохо мне, Сашка, один я с детьми и женой. К кому идти, у кого помощь искать? — пускал слезу Фаяз.

— Ко мне иди, Федька, — плакал в ответ Дробок, — я тебе помогу, в беде не оставлю.

— Знаю, Сашка, ты настоящий брат. Все отвернулись, ты не отвернулся. Пустил в свой дом, за стол усадил, мясо в тарелку положил. К тебе пришёл со своим горем. Помоги, Сашка.

— Помогу, Федька, — вытирая слёзы, опрокидывал в себя стакан самогона Дробок, — вот те крест, помогу.

— Жить мне негде, Сашка, дети мои без тепла, уютятся где придётся. Сироты мы бездомные, родину у нас отняли. Скитаемся, как бомжи, по подвалам и чужим углам. На тебя вся наша надежда, Сашка.

— Что хошь проси, Федька, всё для тебя сделаю, — продолжал плакать Дробок. — Брат ты мне теперь, роднее нет.

— Пропиши нас, Сашка, у себя. Никаких денег не пожелаю.

— Какие деньги, Федька? Для брата ничего не жаль. Всех пропишу, и тебя, и Айшу твою, и детей. Вы теперь и моя семья. Только, может, метров по закону не хватит на всех. Я-то в этом не понимаю ничего, отказать могут.

— Не проблема, Сашка, всё сам сделаю, у меня старший брат юрист, все законы знает, научит, как делать. Тебе только бумаги подписать да съездить туда-сюда к начальникам-мочальникам, остальное моя забота. Получится как надо — коньяка куплю, сам с тобой выпью, брат ты мне.

5.

Фаяз с братьями покинули родную землю в поисках лучшей доли. Плохо там стало, когда русские ушли. Бедно. Работы нет, денег нет. Что делать? Баи назад вернулись, беки. У них всё счастье, деньги, власть, земля. Фаяз не из баев, и Айша не из рода беков. У братьев жёны тоже в роду простые. Значит, совсем плохо станет, ещё беднее жить будут. К баю на поклон идти надо, рабами сделают. Азиз, старший брат, семейный совет собрал. Решили: «Надо ехать вслед за русскими. У них страна большая, земли много, всем хватит. Сами там баями станем».

В Москву не поехали: шумно, дорого, деньги большие, занято всё, никто никому не верит — там им места нет. Поехали туда, где тихо, где земля за копейки, люди не злые. Поехали и не ошиблись. Поселились все в одном районе, но в местах разных, чтобы родство не на виду было. Азиз, старший брат, дома в милиции служил — уважаемый человек, законы знает, диплом юриста есть. Тут тоже быстро в люди вышел. Не глупого десятка, чужие мысли видит сразу. К нужному человеку всегда ключик подберёт. Кому «бакшиш-макшиш», кому «совет-мовет», кому «подарок-модарок». В партию подался, активистом стал, депутатом. Туда-сюда катается, людям помогает. Понравился начальникам — сельсовет в управление дали.

Младший, Акрам, на центральный рынок пошёл. На родине лавку имел, бизнес крутил, всё понимал: как торговать, как товар находить. Друзья у него везде были — вспомнили Акрама, позвали к себе, с важными людьми познакомили. Акрам всегда весёлый. Язык у него лёгкий, на месте не лежит, «шутками-мутками» сыплет. Нравится Акрам всем. Умеет мосты наводит. С тем пловшурпу «покушал», с этим поговорил — связи быстро дело помогли наладить. Торговля бойкая пошла: и нужные люди с прибылью, и Акраму свой доход. Месяц-другой — и Акрам своей палаткой обзавёлся, своим товаром и своими продавцами: ходи-командуй. Процент платишь в срок — вообще проблем нет. Акраму всё привычно, всё нравится. Особенно девки. Крепкие, ядрёные, словно степные кобылицы. Акрам, как аргамак, топчется возле них целый день, копытом бьёт, всех их любит. У Акрама глаза всегда масляные — так ему сладко. Только жене, Медине, плохо. Психует из ревности, ругается, плачет. Акрам жену жалеет, балует: колечки-серёжки ей дарит, на юг к морю летом отправляет — «пусть нервы успокоит».

А вот у Фаяза жизнь не так быстро в гору пошла, ему труднее всего оказалось. Когда уезжали, всё заранее обговорили, кто за что в семье ответ держит. Азиз «за закон думает», чтобы семейные дела ущербом не обернулись, Акрам — за торговлю, чтобы прибылью была и жирный плов на столе, Фаязу определили землю добывать и скотину разводить. Самое сложное дело и самое долгое. Но зато и почёт в семье великий. Фаяз крепко старался, и Аллах воздал ему.

6.

Фаяз слов на ветер не бросает: сказал — сделал. Там заплатил, тут хороший кусок баранины в подарок завернул, здесь машину помог продать подороже: чиновники тоже люди — понимают, когда к ним с душой. Месяца не прошло, а в Сашкином доме уже всю историю носились дети Фаяза. Айша на кухне первой хозяйкой стала. Нинэль только породавалась такому обороту дел: какую ношу с плеч сбросила, теперь и в постели можно до обеда валяться — никто не орёт, каши не просит. Всё Айша на себя взяла. Двужильная жена у Фаяза оказалась, на удивление Дробков.

— Санечка, — ластилась к мужу Нинка, — какой ты догадливый, что Фаяза прописал. Так теперь вольготно стало, прям надышаться не могу.

— А ты не знала? — хорохорился Дробок, обнимая пьяненькую жену. — Всегда с головой был. Всегда наперёд считая все ходы. Фаяз пока дом будет строить, у нас тут тоже дворец заделает. И у Айши откормимся, как сыр в масле кататься станем.

7.

Скоро Дробок увидел чертей, бегающих по потолку, и попал в больничку. У Нинки, Нинэли, не отстававшей от мужа по части выпивки, стали трястись руки и голова. Детей взяли под особый контроль органы опеки, а после выписки Сашки из дурдома и вовсе лишили Дробков родительских прав. По суду определили детвору на последующее усыновление.

— Продай, Сашка, дом, наймёшь хорошего адвоката, вернёшь детей, — успокаивал пьяного Дробка Фаяз, подливая ему в стакан из початой бутылки. — А кому я его продам? Кто его тут купит? Не город же. Работы нет, садика нет, школа далеко — никто сюда не поедет, — горестно качал головой папаша.

— Мне продай, я куплю. А сам тут живи, ты же мне брат, я тебя не обижу. Денег сразу много не дам, у самого нет, частями платить буду. Верить мне?

— Верю, Федька.

Фаяз все документы на дом с помощью Азиза так выправил, что и следов Дробков там не осталось, будто и не жили никогда. Сам Сашка вместе с Нинэлью бумаги подписали не глядя.

— Чего там читать? Мы тебе, Федька, как себе верим, ты нас никогда не подставлял.

Через пару месяцев деньги у Дробка закончились. Погуляли они с Нинэлью крепко, про адвоката и не вспомнили, начисто забыв, для чего дом продавали. — Сашка, мне Айша жалуется, шумно от тебя с Нинэлью твоей стало, дети пугаются. Айша тоже нервничает, ей рожать скоро. Вы дерётесь, пахнет от вас плохо. Надо вам уходить в другое место. Купи себе новый дом.

— Куда уходить? Чего купить? — не понял Дробок. — Дом себе купи новый и живи там со своей Нинкой. Пей, дерись, что хошь там делай. В моём доме места вам нет, — отрезал Фаяз.

— Ты чего, Федька? Ты же говорил, вместе жить будем. Клялся, что брата не выгонишь. Забыл, что ли? — Я не гоню. Я заплатил тебе. Деньги есть, купи дом, живи отдельно. Друзьями станем, в гости друг к другу ходить будем, плов есть будем. Всем хорошо.

— На что я куплю? Денег у меня нет.

— А куда дел?

— Прожили все деньги.

— Нехорошо, Сашка, дом не купишь. Ладно, брат мне был, выручу тебя. Переходи жить в гараж пока, там мастерскую тебе отдам. В ней всё есть: свет, тепло, плиту поставим, газ в баллоне, телевизор свой отдам. Всё как дома. Удобства все, лучше, чем у бабки Насти.

Фаяз Дробка не обидел, денег на новоселье подкинул и телевизор свой принёс в подарок.

Сашка новоселье отметил и Нинку справно поколотил, оставив на память недельный синяк под глазом.

— Надо же было мне, дураку, такую паскуду себе в жёны выбрать. Всё пропила-промотала. И детей, и дом, и участок, и скотину. Как жить-то с тобой после этого?

Фаяз вскоре тоже отметил своё новоселье. Пригласил земляков, человек двести, в кафе «Лунный свет», которое открыл с братьями у автострады, баранов зарезал, лепёшек напёк, чаю наготовил, танцы-фейерверки устроил. Всё как полагается. — Молодец, Фаяз, — нахваливали его земляки, — поднялся. Уважаемым человеком стал. Свой дом, земля, бараны, лошади. Настоящий бай!

Фаяз через год больше сотни гектаров земли в аренду оформил, овчарню новую построил и Сашку с Нинэлью в пристройку при овчарне переселил. Вот тебе и сторож, и пастух — двойная выгода. Да и с глаз Айши долой, чтоб не напоминали о том, чего она от них натерпелась.

— Сожгу я его, — шипел вслед Фаязу Дробок, сжимая в кармане кулак.

8.

Жалейке Айсель сразу в душу запала. Как увидел её возле дома Фаяза год назад, так и высматривал

постоянно, не мог налюбоваться. Айсель — девушка видная: высокая, стройная, две косы ниже пояса и чёрные глаза, будто омут. Жалейка в них и утонул. Говорили: дурочка Айсель, ума короткого. Ну и что с того? Жалейка тоже не академик. Ещё говорили: порченная она, свои в жёны не возьмут. Жалейке и лучше — хоть шанс есть самому женихом стать. Правда, условие одно Фаяз назвал, но ничего, можно и принять его ради Айсель.

— Вижу, Игорь, нравится тебе наша Айсель, — улыбался за чаем Жалейке Фаяз. — Возьми её в жёны, хорошей супругой станет, верной, послушной. Вы оба красивые, красивые дети будут. Айсель много родит. Мы дом вам поставим, землю дадим. Беком будешь. Почёт, уважение. Веру только поменяй. Айсель — сестра моя, нельзя ей в другую веру, строго у нас. А жить в доме с двумя богами — всё равно что в питомнике для собак, где лай с утра до вечера. Тебе всё равно — сам говорил, крестик только носишь. В церковь свою не ходишь, попу не веришь, меняй веру. Пойдём к мулле. Он с тобой поговорит, верить начнёшь, Аллаха полюбишь. — Я подумаю.

— Думай, Игорь, думай, только не передумай, а то так без такой жены-красавицы останешься. Кто другой быстрее надумает. Жалеть потом всю жизнь будешь.

— Ладно, Фаяз, долго думать не буду, быстро решу. Я вот тебе что сказать хочу. Опять Дробка слышал пьяного, опять Нинке своей грозился тебя поджечь. Гнал бы ты его подальше — пустой человек, опасный.

— Э, Игорь, — с раздражением отмахнулся Фаяз, — брешет просто, как шавка, на меня. Куда он пойдёт потом, где жить будет? Сгинет совсем, пропадёт. Дробок знает, что моей добротой живёт, не укусит. Не бери в голову, о другом думай.

И Жалейка думал. Думал об Айсель, о будущем доме, о красивых детках в нём, о счастье своём, что благодаря Аллаху его настигло.

9.

— Как день прошёл? — подавала вечером на стол мужу Айша.

— Хорошо. Только жарко очень, дышать нечем. А так нормально. Скоро свадьбу Айсель играть будем, — достал из казана хороший кусок мяса Фаяз. — Ох, Фаяз, какую новость принёс! — расцвела улыбкой Айша. — Согласился Жалейка?

— Согласится, — заработал челюстями Фаяз, — неделя не пройдёт — к мулле пойдём. Я знаю. Видел сегодня его глаза. Он принял решение: Айсель будет его женой.

— Слава Аллаху!

— У тебя как? Ездила сегодня к Медине? Как они там? Помирились с братом?

— Медина злится на Акрама, хоть и помирились. Он ей золотой браслет купил, кольцо с камушком,

прощения на коленях просил. Но она знает: долго не выдержит, опять с этими шалавами закрутит. Ну что за человек такой — ни одной юбки не пропустит? Опять, говорят, какая-то Наташа от него приبلудила. Уже сколько байстрючат настрогал, никак не угомонится. Медину понять можно. Плакала опять сегодня, говорила, что род позорит. — Скажу ему, чтобы серёжки ей добавил и на море отправил, пусть нервы успокоит.

— Сколько можно полукровок разводить?

— Пусть. Что с ним сделаешь? Уж лучше половина нашей крови, чем чужая совсем. Вырастут — к нам потянутся. Зов отцов, он сильный, на верный путь направит.

— Фаяз, слышала, Сашка опять грозился нас поджечь. Боюсь я, гони его совсем.

— Если выгоню, Айша, то точно сожжёт, — сыто отрыгнул Фаяз, — а так просто пугает. Жить где станет? В тюрьме? Да и смотрит за ним Жалейка, не даст и спички зажечь. Он, считай, свой, знает, кого охранять.

— Говорил с ним?

— Говорил. Насмешил он меня сегодня.

— Расскажи чем? — вытерла полотенцем руки Айша, присев за стол напротив мужа.

— «Вести» смотрел, когда я пришёл. Говорит, дикость в Сирии: там рабов держат, женщин в наложницы отдают. Живут не по закону, за похлёбку работать принуждают. У нас, говорит, близко такого невозможно.

— Смешной, — улыбнулась мужу Айша, — смешной и глупый. Как Айсель. Как все русские, глупый: друг за дружку не держатся, веру свою не берегут, пьют как свиньи, чуть что — кулаками машут.

— Правду говоришь, Айша. Давно они рабы. Пусть думают, что свободны. Мы-то с тобой знаем настоящую правду, Айша.

— Знаем, Фаяз, мы с тобой знаем. Эту правду жизни.

10.

Ночью Фаяз метался на кровати. Снился ему кошмар: дети Дробка пытались пробраться в его дом и при этом жалобно мяукали. Они тёрлись возле забора в виде котят и слёзно умоляли: «Дядя Федя, дядя Федя, мы же твои дети. Ты живёшь богато, пусти нас в нашу хату. Дай поесть немножко, дай хотя бы крошку».

11.

Жалейка стоял на крыльце своей пристройки и всматривался в звёздное небо. Ему казалось, что где-то там, по Млечному Пути, бегут они с Айсель, крепко взявшись за руки, и счастливо смеются. Рядом летят два ангела-хранителя, а вослед доносятся детские голоса, голоса их будущих детей. И это видение казалось Жалейке всем смыслом жизни.

12.

Дробок взял со стола спички, перебросил через плечо сумку с заготовленной пятилитровой канистрой, долгим тоскливым взглядом окинул спящую Нинку и, обречённо вздохнув, нетвёрдым шагом отправился из овчарни в душную ночь восстанавливать справедливость.

13.

— Сука, руку пусти, — хрипел от боли Сашка, прижатый к земле коленом невесть откуда взявшегося бригадира.

— Что удумал, Дробок?! И детей тебе не жалко? — тяжело дышал в ухо Сашке Жалейка, не отпуская заломленную руку.

— А он моих пожалел, когда дома лишал?

— Твои живы-здоровы. Накормлены, в тепле, учатся. Да и не он это — ты сам во всём виноват. Пьянство твоё беспорядное. Давно по наклонной едешь. А теперь и до смертоубийства докатился?! Креста на тебе нет!

— Это на тебе креста нет, проданся за баланду, своих пинаешь, к басурманам примазываешься. — Дурак ты, Дробок. Я просто честно работаю. И никому не продаюсь. Я их жалею. Плохо им, совсем плохо. Они-то в чём виноваты? Они к нам спастись кинулись. Их дети наш язык учат, русские обычаи впитывают. Жили же когда-то вместе — горе и радости делили.

— Это ты на Айсель губу раскатал, все видят, — продолжал пыхтеть Сашка.

— И опять дурак ты, Дробок, — ослабил хватку Жалейка, почувствовав, как пар злости выходит из поверженного. — Сердцу не прикажешь.

— Может, и сам в басурманы подашься?

— Обвенчаемся, и Айсель Александрой станет. Я её так и зову, когда с ней разговариваю, — отпустил Сашку Жалейка. — Если на свадьбу приглашу, придёшь? Вы же теперь вроде как тёзки будете. — А что, приду, если не шутишь, — опешил от такого оборота дел Дробок.

Поднявшись с земли, он оттолкнул ногой канистру и принялся отряхивать грязь с колен.

В тот же миг с востока подул прохладный ветер, и откуда-то издалека донеслись глухие раскаты грома.

Честная служба

1.

Михася Ярошука призвали в армию. Восемнадцать Михасю исполнилось в феврале, а в конце апреля уже и повестка подоспела: милости просим в доблестные войска, защищать честь и независимость Украины.

Михася — парубок видный, высокий, под метр девяносто, мускулистый, батьке и деду справный помощник во всех домашних делах. Он и дров

порубить, и сена заготовить, и мешки с картоплей в тракторный прицеп накидать, и воды матери в огород ведрами натаскать, и теплички покрыть, а ещё огурцы-помидоры в корзинах домой отнести, яблоки в подпол спустить, скотину, когда надо, прибрать. В общем, нужный работник в доме, послушный и безотказный, родительская гордость. Всем бы таких детей, горя б люди не знали.

Михась и охотник что надо, снайпер знатный, зверю шанса не даст, дедова закваска. В кухне благодаря ему всегда мясо найдётся.

— Михася в армию берут, свято в доме,— гордо расхаживал по горнице, разглаживая седые обвисшие усы, дед Сашко.— Надо проводить хлопца, чтоб всем кругом знатно было. Народ созывать пора. Когда ему, напомни?— обратился он к отцу призывника.

— Так девятого мая идти, нехороший день,— озабоченно потёр лоб батько Андрий.— Да и в спецнабор какой-то вроде определили.

— И в чём печаль? В спецнабор! За сына не рад, что выделили из всех? Кому ещё такая честь в селе, скажи, а? То-то.

— Непокойно всё ж как-то на сердце, времена-то вон какие.

— А какие? Обычные времена. Не лучше и не хуже других времён. Всегда такое было. И с тобой, и со мной, и с дедом твоим Иваном, и с прадедом Панасом. И ничего, все служили да живы-здоровы остались. Так и Михасю это же уготовано, не сомневайся. Наша семья заговорённая, под Богом ходим, пресвятая Дева Мария нам защитница. Поди-ка лучше девок наших созови, наказы нужно важные сделать.

Девки, две незамужние молодухи Оксанка да Ульянка— Михасины сёстры, бабка Гануся да мамка Натуся и даже совсем уж старая бабка Хрыстя, получив мужской инструктаж, с вдохновением впряглись в предпраздничную суету. Дом и подворье намывались, украшались, подкрашивались к приёму дорогих гостей. Со скотного двора каждый день раздавались то дикий визг свиньи, то рёв обезумевшей тёлки, то испуганный кудахтање кур да всполошённый гогот загнанных в угол гусей. В летней кухне постоянно что-то шипело и шкворчало до самого позднего вечера, а уже затемно над ней начинал куриться дымок, и по округе разносился сладковатый запах браги.

— Хороша горилка будет у Андрия,— втягивали ноздрями воздух сельские мужики, проходя мимо ярошуковской хаты,— погуляем знатно.

узорными бумажными скатертями, ломились от угощения. Свинина, телятина, жареные битки, птица, рыба, сало с подчерёвой, смаженные ковбасы, сыры, овощи свежие, солёные кавуны, вареники с картоплей, фрукты, мочёная антоновка— одним словом, ешь не хочу. Да и со спиртным всё в полном порядке: горилка между блюд в двухлитровых бутылках красуется, наливочка в графинчиках искрится, вино домашнее, хочешь виноградное, хочешь яблочное, на солнышке переливается, пива наварено немерено. Праздник так праздник.

За главным столом, по центру, посадили самого виновника торжества. По правую руку от него отец с матерью, то бишь Андрий с Натусей, рядом крёстные— дядька Мирон и тётка Ева, по левую же руку самые что ни на есть старейшины семьи— прадед Иван и прабабка Хрыстя, за ними сразу дед Сашко с бабкой Ганусей. Ну и в остальном всё по справедливости. Ближе к Михасю родня ближняя, потом дальняя. И в сторонних рядах всё чин чином: с одного края— дружки-подружки Михася, с другого— соседи и друзья-подруги батькины да дедовы. Только из одногодков прадеда Ивана и прабабки Хрысти никого, они последние в селе долгожители.

Андрий Ярошук за главного сегодня на правах отца новобранца, ему и застолье вести. Встал Андрий важно, тишину нагнал, кашлянул для солидности, вышиванку поправил, волосы пригладил и начал слово говорить.

— Дорогие наши все, и родня, и други, и соседи! Вот видите, какой у нас сегодня день, важный день, праздник. Вы понимаете?

За столами одобрительно закивали, подтверждая правоту сказанного.

— А то...

— И у нас было...

— Праздник в доме...

Андрий поднял руку. Сдерживая лавину чувств односельчан и дождавшись тишины, продолжил. — Так вот, значит, я про важный день доскажу как есть. Он, конечно, очень важный, важней, может, и нет. Может, даже и главный он у нас в семье. Ну, в этот год точно что главный, тут и говорить нечего. А знатного в нём вот что. Наш Михась становится защитником, нашим защитником, моим и матери, деда своего и бабки, прадеда и прабабки и вот сестёр своих тоже. Он и вас всех под защиту берёт. Так, правильно я слово говорю?— обвёл всех растроганным повлажневшим взглядом Андрий. — Так, так,— загалдели кругом гости.— Хорошо говоришь, верно.

— А если так,— вновь поднял руку застольник, успокаивая собравшихся,— то вот вам истина. Все Ярошуки завсегда были честными защитниками и не сгнули в своей службе на благо дело Родины, а уберегли себя для дальнейшей пользы жизни. Уберегли для общества и семьи. Вот я и хочу дать слово старейшине нашей семьи, самому главному

Восьмого мая в подворье Михася Ярошука собралось больше двух сотен народу. Тут и родня почти вся, кроме дядьки Василя, тут и соседи, тут и друзья-товарищи, подруги. Столы, выставленные в три длинных ряда от входа в дом и застеленные

нашему предку, человеку почётному и героическому, прадеду нашего Михася—Ивану Панасовичу Ярошуку. Пусть скажет своё важное слово парубку, а мы поднимем чарки и послушаем.

Вокруг разразились аплодисменты.

— Давай, дед Иван, скажи слово потомку, нехай впитывает.

Худой, сгорбленный годами старик, с заострённым ястребиным носом и слезящимися полуслепыми глазами, медленно приподнялся со своего места и дрожащим голосом произнёс:

— Чего тут говорить? Тут моя речь короткая. Служи честно, внучку, верой и правдой служи, как прапрадед твой Панас служил.

3.

Прапрадед Панас служил у Юзефа Пилсудского. Попал он в польскую армию в тот момент, когда пан Пилсудский с Советами воевал. Скорее даже, не попал, а попался по собственной глупости. В село как-то поутру вошёл взвод солдат во главе с подпоручиком. Всех мужчин согнали на площадь перед церковью и обнародовали добровольный указ о призыве в Войско Польское.

— Кто пойдёт к нам на службу, получит жалование и землю,— торжественно объявил с церковного крыльца благую весть подпоручик и вдруг неожиданно положил руку на плечо стоявшего чуть ниже Панаса:— Хочешь землю, хлопец?

— Хочу, пан офицер.

— Молодец, хлопец, будет тебе земля, много земли, но только после победы. Запишите героя в солдаты.

Вот так и призвали Панаса в армию. К обеду он, уже при форме, садился на телегу, не попрощавшись как следует ни с отцом, ни с матерью. — Дурак, земли на могилу получишь, конечно,— только и успел сказать напоследок Панасу отец.

Панасу воевать не пришлось, повезло дураку, отправили его сразу же в лагерь для русских военнопленных, что в Стшалковке расположился. Туда русаки потоком стекали. Пан Пилсудский на тот момент хорошо трепал Красную армию, вот и скапливался служивый народец в польских лагерях. Людей для охраны катастрофически не хватало, поэтому часть новобранцев переместили в тыл надзирателями: мол, послужите пока тут великой Польше, а потом уж и на фронт. Панас, хлопец крестьянский, хваткий, сразу же смекнул, что только особое старание и рвение перед начальством спасёт его от гибели на поле боя. И он старался.

Стояла зима. И несчастные русские солдатики быстро превращались в ходячих мертвецов. Жили они в наспех сколоченных лёгких бараках, которые не отапливались, а разжигать огонь внутри помещений категорически запрещалось в целях соблюдения безопасности этих строений. Многие из красноармейцев попали в плен ещё до холодов

и были в летнем обмундировании, что только усугубляло их плачевное состояние. Холод и голод активно помогали смертушке делать своё дело.

— Эй, москаль тухлый, давай сюда! Прытче, прытче,— подозвал к себе пленного доходягу Панас, стоя в кругу охранников.— Жрать хочешь?

— Хочу, вельможный пан.

— Землю жри. Съешь три жмени, дам хлеба. Ну что, Иван, съешь?

— Афанасий я.

— Панас,— заготовали кругом охранники,— ты бачишь, тёзка у тебе выискался, Афанасий! А может, это братец твой, может, близняк? Гляньте, хлопцы, как схожи, прям один в один. Может, и ты, Панас, москаль? Что скажешь?

Панас аж поперхнулся от неожиданности. Лицо его налилось кровью, и он со всего маху ударил русака кулаком в живот, а когда тот согнулся в три погибели, сбил его с ног ударом в голову и, уже лежащего, принялся остервенело пинать ногами куда попало, с ненавистью приговаривая:

— Який я тёзка ему, курве москальской? Який я ему тёзка?

— Хорош тебе,— через несколько минут охранники оттащили Панаса от жертвы.— Не бачишь, что ли? Сдох твой тёзка уже, хрипеть перестал. — Добрый пёс знает своё дело,— усмехнулся в сторону озверевшего надзирателя лагерный хорунжий.— Честно служить будет.

4.

— Молодец, Иван Панасович, верно сказал, коротко и верно,— вновь взял слово Андрий, дождавшись, когда опустеют чарки.— Наш далёкий предок служил нашей ридной Крайне всею правдою, и мы его не посрамили ни на миг, вся наша семья Ярошуков. Вот и батька мой не соврёт. Скажи своё слово, батька, твой черёд пришёл.

Дед Сашко, высокий, стройный седовласый старик, с таким же ястребиным носом, как у своего отца, важно встал из-за стола и поднял чарку отменного первача.

— И что тебе сказать, внучек мой дорогой Михась? Помню тебя вот таким,— показал Сашко рукой у своего колена.— А и тогда ты лихо уже с крапивой воевал. Палку в руку—и айда рубить вражину налево и направо. И пока всю её не сничтожал, с поля боя не уходил. Храбро сражался. Хоть и жалила она тебя нещадно, а ты только губы поджимал да заново на вражину кидался. Вот так же храбро шёл в бой и батька мой, твой прадед Иванко. Храбро и честно. За правду. Вот тебе и моё слово. Служи так же честно, как твой геройский прадед Иванко. И если в бой придётся, то так же смело, как он.

...Иванко в рядах охранного батальона вошёл в белорусские Борки ранним утром, когда деревня

только-только пробуждалась к работе. Зондеркоманда СС взяла Борки в плотное кольцо, а хлопцы Романа Шухевича направились по хатам — стогнать народ к бывшему сельсовету.

— Шнель, шнель, партизанское отродье!

— Пане полицай, да куда ж я с малыыми дитятками? Дозвольте дома остаться.

— Геть, геть, дурна баба, сказано всем — значит, всем!

Украинские националисты силой вышвыривали из хат жителей и прикладами гнали их вперёд. Тех, кто не мог двигаться самостоятельно, расстреливали на месте. За националистами в дома входили немецкие солдаты из команды тылового обеспечения, вытаскивали во двор наиболее ценные вещи и тут же грузили их в грузовики и на подводы, управляемые местными полицаями. Одновременно из сараев выгоняли уцелевшую скотину, а когда реквизиция добра заканчивалась, поджигали подворье.

Над Борками клубился дым и стоял обречённый вой жителей.

— Эй, пострел, ты куда забрался? — улыбнулся Иванко незамысловатой хитрости пятилетнего пацанёнка, схоронившегося от беды в крапиве. — И не больно-то тебе там сидеть? Жалится же!

— Ой, дзядзька, балюча, — всхлипнул мальчуган.

— Так вылезай оттуда.

— Не магу. Матуля загадала, каб сядзеу и не вылазць без яе дозволу.

— Так это мамка твоя меня и прислала, чтоб я тебя к ней отвёл.

— Прауда? — обрадовался пацанёнок, выбираясь из зарослей жгучей травы.

— Правда, вот те крест, — улыбаясь, перекрестился Иванко. — Давай руку, к мамке пойдём. Как зовут-то тебя, герой?

— Янка.

— Во как, тэзка, значит.

На площади у большого амбара Иванко подтолкнул мальчугана в сторону подвываявшей толпы.

— Иди, Ваня, ищи свою мамку. Там она, ждёт тебя.

Через полчаса народ загнали внутрь амбара, закрыли ворота на засов, облили деревянную постройку бензином и подожгли.

— Ярошук, — подошёл к Иванку гауптман, когда всё было кончено, — видел, как ты щенка за руку привёл. Молодец, честно служишь, хорошо воюешь. Награду получишь, как во Львов вернёмся.

5.

— Вот как-то незаметно и моё слово напутствия пришло, и мне говорить сыну важное очередь пришла, — приосанился Андрий, вобрав в себя выпирающий животик. — А есть ли мне ещё что сказать после наших уважаемых дедов? Могут ли я после них? Есть ли у меня честь, люди добрые?

— Есть, есть, Андрий. Честь отца на сына. Говори слово, — зашумели за столами.

— Ну что ж, тогда скажу, — повернулся отец к Михасю. — Слушай сюда, сынку. Большая честь тебе вышла — служить за родную землю. Не посрами наш род вдаль от дома. Будь смелым и решительным в своих помыслах. Держи своего врага на мушке верно, как дед Сашко тебя учил. А дед Сашко знатный учитель, он в службе своей врагу шансов не давал. Бери с него пример, служи честно, Михась.

...В Чехословакию Сашко Ярошук попал почти перед самым дембелем в составе воздушно-десантной дивизии с приказом взять под контроль пражский аэродром «Рузине» и обеспечить приём основных сил советской группировки войск. С Пражской весной надо было покончить раз и навсегда как с рассадницей контрреволюции в социалистической Европе. Вот Сашко и должен был этим заняться, а ведь он уже о скорой свадьбе с Ганкой мечтал. И тут такая заваруха, будь она неладна! Все планы Сашка накрылись в одночасье, как корова языком их слизала. Никто ведь теперь не скажет, сколько это всё с чехами продлится: может, месяц, а может, и год. А если Ганка другого парня встретит? В общем, злой был Сашко на всех, ох и злой. Ходил по границе аэродрома в охранении и бубнил себе под нос:

— Москали кляти, чтоб вам всем в аду гореть!

Недели через три в очередном вечернем дозоре из зарослей кустарника, что рос вдоль дороги, ведущей к аэродрому, на Сашка и его сослуживца Максима под крики: «Invaders, jdi do Moskvy!» — обрушился град увесистых камней, один из которых пробил голову товарища. Максим от удара потерял сознание и тихо стонал, лёжа у обочины. Неизвестно, как бы там сложилось с самим Сашком, который от испуга расплакался и не мог сдвинуться с места, если бы не неожиданное появление немецкого мотоциклиста, резко притормозившего около раненого. С ходу оценив обстановку, гэдээровский солдат сорвал с плеча автомат и с колена дал длинную очередь по кустам, откуда исходила опасность. Кто-то обречённо вскрикнул в обстрелянной стороне, и за этим вскриком последовали громкие всхлипы. Немецкие военнослужащие, вошедшие вместе с советским контингентом войск в Чехословакию, особо не церемонились с местным населением, в случае непослушания тут же брали оружие наизготовку и при малейшем подозрении на агрессию со стороны чехов применяли его без предупреждения. Спаситель Сашка, не обращая никакого внимания на плач и стоны в зарослях кустарника, подошёл к Максиму, отложил оружие и быстро оказал десантнику первую помощь — обработал рану, перевязал голову, сделал обезболивающий

укол и по радици связался со своими. Всё это заняло несколько минут, после чего немец повернулся к Сашку, успевшему прийти в себя.

— Ком, рус,— показал он в направлении зарослей.

Метрах в пятнадцать от дороги лежал первый чех и громко стонал. Парню было столько же лет, сколько и молодым солдатам, подошедшим к нему, лет двадцать, не больше. Глаза у него помутнели, веки слабо подрагивали, рана в груди несчастного была страшной и не оставляла ему почти никаких шансов на жизнь. Немец передёрнул затвор и выстрелил одиночным в голову. Чех всхрипнул и затих. Сашку с благоговейным ужасом смотрел на деловито-спокойного немца, который молча присел перед жертвой, быстро обшарил его карманы, достал какой-то документ и положил его в свой планшет.

— Ком, рус,— вновь поманил за собой Сашка немецкий солдат.

Пройдя ещё метров двадцать, военнотружущие обнаружили насмерть перепуганного паренька лет шестнадцати, который обречённо сидел на земле и громко всхлипывал. У мальчишки была прострелена нога.

— Аусвайс! — навёл на паренька автомат немец. — Шнель!

— Не аусвайс,— растёр слёзы по лицу мальчишка.

— Найм?

— Александр.

— Надо же, тэзка,— удивился ответу Сашко.

Немец, впервые услышав голос Сашка, холодно улыбнулся и похлопал его по плечу:

— Гут, рус!

После этого он показал на висящий на плече Ярошука «калашник».

— Хор ауф дамйт.

— Я? — испуганно отпрянул в сторону Сашко.

— Я, я,— утвердительно кивнул немец.

— Я не могу, я не убивал людей, давай сам,— попытался выкрутиться из страшного положения Сашко.

— Найн. Ду. Дис ист айне райхенфольге,— отрицательно покачал головой немец и вновь указал на автомат Сашка. — Шнель!

Сашко дрожащими руками снял оружие с плеча, передёрнул затвор и, закрыв глаза, выстрелил в несчастного мальчишку.

— Шарфшутце! — брезгливо ухмыльнулся немец, прощупывая сонную артерию убитого. — Ист тот.

Ярошука вырвало.

Через минуту к ним с автоматами на перевес подбежал по меньшей мере взвод аэродромовских десантников.

— Что тут произошло, сержант Ярошук? — обратился к нему взводный, косясь на труп паренька

— Я, это... Мы, это... С Максимом. Они первые... А потом... Вот он... Я не хотел. Они первые,— не мог прийти в себя Сашко.

Лейтенант вопросительно посмотрел на немца. — Рус гутер зольдат. Шарфшутце,— широко улыбнулся тот.

Через месяц Сашка демобилизовали.

— Благодарю за честную службу! Благодарности родителям за воспитание сына и в ваш сельсовет я отправил по почте, так что встретят тебя дома как героя, не сомневайся,— крепко пожал на прощание руку Ярошуку комбат.

б.

— Дозвольте и мне слово держать, как крёстному Михася,— поднялся из-за стола мускулистый мужик возраста Андрия.

— Дозволяем, говори, Мирон.

— Спасибо, братья,— степенно поклонился Мирон народу и повернулся к крестнику. — Тут, Михась, правильно вспоминали всех твоих геройских предков, и это твоя гордость и твоя сила, я тебе скажу. Но гордость эта и сила не только в них, но и в батке твоём и моём лучшем друге Андрии. Он ведь тоже герой, служил честно, и орден есть. Так и ты, Михась, как то яблоко от яблони, служи честно, чтобы батко гордился и все гордились. Вот моё слово.

...«Духи» атаковали взвод неожиданно, не в том месте и не в то время. Одним словом, ударили тогда, когда этого удара никто не ждал. Миномётный обстрел, а после него шквальный автоматный огонь практически полностью уничтожили весь разведотряд шурави. Каким-то чудом уцелели только Андрий, не получивший в этом аду ни единой царапины (видать, Бог миловал), и его взводный, совсем молодой лейтенант Андрей Гончаренко, месяц назад прибывший из училища в Афганистан. Правда, лейтенанту повезло меньше, ему перебило осколками мины ногу, и пуля прошила плечо. Крови взводный потерял много и тихо постанывал, временами теряя сознание. Ещё бóльшим чудом было то, что «духи» не стали обследовать место гибели разведчиков, а быстро растворились в горах. Почему такое случилось, так и осталось загадкой, но неожиданный уход победителей дал шанс на жизнь побеждённым.

— Тэзка,— прохрипел лейтенант, когда стало окончательно ясно, что «духи» ушли,— посмотри раны, перевяжи где надо.

— Где надо... — машинально повторил Андрий, всё ещё находясь в плену у пережитого страха.

Руки дрожали, и он никак не мог наложить повязку на рану взводного. Не покидали мысли, что вот сейчас «духи» вернуться и завершат своё смертоносное дело, что он тут застрел с этим москалём, вместо того чтобы бежать подальше от этой общей могилы. «Что делать? Что делать? — лихорадочно думал Андрий. — Надо уходить с этого места, надо где-то схорониться. Только вот с этим как быть? Может, грохнуть его, и дело

с концом? Никто ж не узнает. А если узнают? А с ним куда? Он и шагу не ступит. На себе тащить? А ещё кормить-поить придётся. Воды и так мало. Сдохну с ним, не выйду. Лучше грохнуть».

— Андрей, ты чего такой дёрганый?—будто почувствовал что-то неладное лейтенант. — Не дрейфь, всё будет нормалёк, прорвёмся. Наши нас уже ищут, наверное. Рацию глянь у Генки: вдруг уцелела?

Рация не уцелела, как не уцелел и сам Генка, лежащий с развороченным животом на краю тропы, по которой шёл в разведку отряд.

— Лейтенант, надо уходить с этого места, «духи» могут вернуться!

— Нет, земля, нельзя уходить. Наши нас тут искать станут.

— «Духи» тоже,—поднялся во весь рост Андрий. — Я тебя понесу, где смогу, где не смогу—тащить буду. Больно будет, терпи, не ори, а то пристукну.

Лейтенант спорить не стал, да и что зря спорить, если он в полной воле Андрия?

«Может, и хорошо, что москаля не грохнул,—думал Андрий, взвалив на себя раненого,—он мне теперь как пропуск будет. К „духам“ попаду—скажу, что с „языком“ шёл, выкуп за себя нёс, тогда живым оставят. К своим выйду—героем буду: товарища не бросил, офицера. Медаль дадут или орден. Хорошо, что не грохнул».

Через сутки двух Андреев подобрала «вертушка», возвращавшаяся на базу после выполнения задания. Орден Красной Звезды вручили Андрию Ярошуку перед всем полком ровно в тот день, когда пришёл приказ о выводе советских войск из Афганистана.

— Честный ты парень, Ярошук, настоящий товарищ, именно с таким и надо в разведку,—растроганно обнял Андрия командир полка.

7.

Михась, тщательно прицелившись, выстрелил. Какое-то мгновение он заворожённо наблюдал через окуляр снайперской винтовки за упавшим человеком, а потом осторожно стал отползать в сторону от места своего схрона.

— Ну что, Ярошук, с почином тебя, ставь зарубку на прикладе,—похлопал по плечу вернувшегося с первого задания Михасы командир отряда снайперов всу.— Запомни этот день, двадцать второе июня. С победы над первым москалём начался отсчёт твоей честной службы Родине.

— Слава Украине! Героям слава!

8.

— Чего там, Андрий, кто звонил?—обтёрла от муки руки Наталка.

— Брат Василь с Луганщины. Сына его, Мишку, сегодня снайпер застрелил, с выпускного шёл. Вот так-то вот.

— Ой, Боже ж мой, беда-то какая!—всплеснула руками Наталка.— А ведь какие надежды подавал, гордость Ярошуков, отличник круглый, в университет собирался. У нас такого умного в семье и не было никогда. Как там Вера после этого? Горе-то, горе!

— Война, будь она неладна!

Поздняя месть

Научное судно «Моноцит» уже целый день стояло у причала, вернувшись из полугодовой экспедиции по северным морям. Радость встречи экипажа со своими родными осталась позади, и на борту шла обыкновенная работа по приведению судна в относительный порядок.

Часть «научников» выгружала образцы грунта для дальнейшего изучения в лабораториях института, другие писали всевозможные отчёты о проделанной работе, кто-то занимался уборкой кают, а кто-то валял дурака в кают-компаниях, играя в карты.

— Мужики,—в дверях кают-компания показала голова боцмана,— вас там авансировать собираются в каюте старпома.

Карты тут же полетели на стол, средний и младший научный состав чуть ли не бегом устремился к старпомовской каюте. Шутки, подначки, подковырки зазвучали в толпе ожидающих. Приятная процедура выдачи денег постепенно подходила к концу, когда к столу подошёл техник научной группы Костик Ребров.

— Распишись вот тут,—второй штурман протянул ему ведомость.

Костик посмотрел на сумму, указанную на бумаге, и просиял. Таких денег он не держал в руках ни разу в своей двадцатитрёхлетней жизни. — Получи,—отчитал указанную сумму второй штурман и улыбнулся Костику.— С почином.

— С тебя причитается,—похлопал Костика по плечу старпом, пряча в бороде улыбку.

— Обязательно, конечно, а как же,—смутившийся Костик сгрёб деньги и рванул к двери.

— А пересчитать? Вдруг обманули?—раздалось вслед.

— Не, всё верно, я доверяю,—прозвучало из коридора.

Костик быстро прошагал в свою каюту и заперся. Разложив на столе деньги, он минут пять рассматривал их, а потом начал раскладывать по кучкам и рассовывать по карманам. «Эти—маме,—рассуждал Костик,—эти—себе на обновки, эти—Наташке на подарки, эти—на проставку ребятам, а эти—на поход в ресторан с Григорием Моисеевичем».

Для него этот поход был очень важен, решалась судьба: или Юнерман берёт его к себе в институт, или забыть о науке, экспедициях, новых друзьях и романтике.

Распределив деньги по карманам, Костик с опаской подошёл к каюте Григория Моисеевича. Юнермана он побаивался—и в силу разницы в возрасте, и в силу некоторой строгости начальника экспедиции. Юнерман всегда был хмур, сосредоточен, неразговорчив, и только глаза выдавали в нём незлобиво человека—высвечивалась в них какая-то озорная искорка, не позволяющая собеседнику оробеть перед всемогущим доктором наук.

Костик осторожно постучал в каюту Юнермана.— Можно?—открыл он дверь.

— Входи,—поднял голову из-за стола Григорий Моисеевич.— Чем могу служить?

— Григорий Моисеевич, я вот тут, понимаете...— замялся Костик.

— Ну, смелее, смелее,—ободряюще улыбнулся Юнерман.

— Я приглашаю вас сегодня поужинать в ресторане,—выпалил Костик и покраснел.

— Ого!—сделал удивлённое лицо Юнерман.— Вы меня приглашаете? А где же цветы?

— Я... нет, вы не так меня поняли. Я не приглашаю вас, то есть... Нет, я приглашаю, но не как... а по-другому,—Костик умолк, окончательно смутившись.

— Ну, это понятно, что по-другому, а не как,—заиграла озорные искорки в глазах Юнермана.— А то и говорить не о чем, потому что в нашей стране это совсем не так, а всё гораздо хуже, если не сказать, что совсем капут.

Костик стоя умирал от стыда и злости на самого себя. Так глупо, так бездарно завалить всё дело!

Но Юнерман не был бы Юнерманом, если бы продолжал шутить и дальше. Понимая состояние Костика, Григорий Моисеевич серьёзно произнёс:— Ладно, Константин, пошутили, и хватит. Я согласен посетить с тобой это заведение, но с условием: обедаем каждый за свои. А спиртное за мой счёт. И не отрицай, тебе деньги самому нужны. А сейчас иди занимайся своими делами. В час встречаемся у «Меридиана». Знаешь такое кафе? Костик кивнул.

— Ну, до встречи.

Костик, всё ещё смущённый, быстро выскочил из каюты начальника экспедиции.

Ровно в час Костя с Григорием Моисеевичем входили в кафе. Расположившись за столиком, Юнерман стал внимательно изучать меню.

— На правах старшего заказа делаю я, возражений не принимаю.

Костик согласно кивнул.

— Так,—обратился Юнерман к подошедшему официанту,—два оливье, два салата из кальмаров, два борща, две отбивные, бутылочку армянского коньяка и минералку. Попозже—кофе.

— Сделаем,—записав заказ, официант ушёл.

Костик, поникший, молчал, не решаясь начать важный для себя разговор.

— Ну, как тебе экспедиция?—спросил Григорий Моисеевич.— Понравилась?

— О, это такой кайф, такой адреналин!—оживился Костик. Глаза его загорелись, спина выпрямилась.— Я ничего подобного не испытывал никогда. Жалко, что пролетело всё очень быстро, как один день, даже нет—как один миг. И так не хочется верить, что больше этого не повторится!

— О, да он у тебя поэт,—вдруг раздался за спиной Костика насмешливый голос.

Костик покраснел и быстро повернулся назад.— Всё, всё, сдаюсь, сдаюсь,—притворно вскинул руки вверх полноватый мужичок небольшого роста, одетый в потёртые джинсы и не заправленную линялую тельняшку.— Гриша, скажи своему юному другу, что я пошутил, а то он меня сейчас съест.

Григорий Моисеевич поморщился.

— Знакомся, это местная знаменитость, поэт Леонид Лямкин,—представил он своего знакомого.— А это Константин, наш младший научный сотрудник,—обратился Юнерман к Лямкину.— Кстати, тоже пишет стихи.

Лицо Кости из красного сделалось пунцовым.— Любопытно, любопытно,—несколько поскучнел Лямкин, подаживаясь за столик.— Многие сейчас себя считают поэтами, но о поэзии потом. Гриша, ты, я вижу, с морей, и, конечно же, при деньгах. Угощаешь старого друга и поэта?

— Ну а куда от тебя деться?—натянуто улыбнулся Юнерман.— Тем более ты уже уселся.

— Вот и хорошо, вот и ладошки,—потёр ладони Лямкин и прокричал в зал:— Официант, добавь сюда бутылку армянского и парочку салатиков для начала!

Вскоре на столе появились салаты, коньяк, минералка и борщ.

— За встречу!—поднял свой фужер Лямкин.— Гриша, за тебя,—и, не дождавшись остальных, опрокинул в себя содержимое. Тут же налил снова.— За поэзию!—выпил и второй фужер.

Костя молча поглощал борщ, украдкой поглядывая на Леонида Лямкина. Первый раз в своей жизни Косте довелось встретиться с настоящим поэтом. Весёлый, раскованный, компанейский. Вот бы ещё его стихи послушать, а может, рассказы о встречах со знаменитостями, ведь такой наверняка знаком с лучшими поэтами и писателями.

— Гриша,—налил себе третий фужер коньяка захмелевший Лямкин,—а давай за музу, за такую музу, которая всегда с нами, с истинными любителями искусства!

— Лёня,—укоризненно покачал головой Юнерман,—третий тост поднимают не за музу, а за... — Да брось ты, Гриша, банальности разводить,—скорчил недовольную гримасу Лямкин и залпом выпил коньяк.— За тех, кто в море, за тех, кто не

с нами... Фигня всё это. Пить надо за себя, любимых, а не за кого-то там вдали.

Григорий Моисеевич чуть сморщился, но спорить с поэтом не стал, зная его капризный характер.

— Слушай, Лёня, ты что-нибудь новенькое написал? — перевёл он разговор на другую тему.

— Не уважаешь, Гриша, ты меня, — обиженно вытянул нижнюю губу Лямкин. — У меня ни дня без строчки, как сказал один известный мудака. Кстати, и на вашу морскую тему есть немало. Счас, только выпью чуток — и выдам.

Лямкин выпил очередной фужер, крикнул, закурил и повернулся к Костику:

— Слушайте, молодой человек, оценивайте и запоминайте, как сидели за одним столом с гением русской словесности, потом внукам похвалиться будете.

Поэт встал, покачнулся, одной рукой схватился за спинку стула, другую вытянул вперёд и начал с пафосом:

Корабли уходили в ночь
Далеко от родного берега,
И волна убежала прочь
За кормой к берегам Америки.

Спи, родная, в тиши ночной,
Приплыву я к тебе сквозь туманище,
Охраняю я твой покой,
Ведь я главный в морях капитанище.

И когда мы вернёмся домой,
Ты на шею мою облокотишься.
Я поверю, что берег мой —
Не Америка, а родных скопище.

— Bravo, Лямкин, bravo! — ухмыляясь, захопал Григорий Моисеевич. — Это величина!

Не заметив сарказма в голосе Юнермана, поэт гордо продолжал:

— И ещё из недавнего:

Люблю себя в своём лице,
И невозможно быть иначе,
Когда на зорьке на крыльце
Коровы мыкают на даче.

Я есть советский гражданин,
Я патриот своих началов,
В стране я Чацкий господин,
Как говорил актёр Качалов.

Мы все рождались из полей,
Из жнив, из гумен, из пшеницы.
Ты трогать Родину не смей,
Она — орёл, она — жар-птица.

Большой державною рукой
Она карает и лелеет,
И я иду по ней ногой,
И сердце гордостью смелеет.

Костя изумлённо уставился на Лямкина. Поэт, заметив это изумление, тут же продолжил:

— А теперь самое что ни на есть самое! Да что слова — слушайте!

А вот и встал навеки миг
Во славу музы потрясённой,
Нырнул в пучину яркий блик —
Поэта стих заворожённый.

Я — будто памятник себе,
Ещё не есть, но скоро буду.
Пишу поэзию судьбе,
Покуда живы — не забудут!

И пусть гремит во все концы
Известное моё творение.
И пусть читают подлецы
Одно про них стихотворение.

А в нём весь я, с конца в конец,
Моё нутро, моя судьбина.
Своим стихам я сам — отец,
А кто не внемлет мне — дубина.

— Ну, Лёня, вот тут ты весь, вот тут ты себя превозшёл, аки Бог, — налил себе коньяка Юнерман. — Вот этим ты меня сразил, убил наповал!

— А, понял, Гришка, понял потаённый смысл! — светился всем лицом Лямкин. — Я знал, знал, что поймёшь! На руках за такое носить надо.

— Да-а-а, это точно, на руках выносить, это шедевр на все времена, — криво улыбаясь, согласно кивал головой Григорий Моисеевич. — Много выпил, пока родил это?

— Не знаю, не считал. Ещё прочесть?

— Хорош, хорош, — отстранился от поэта руками Юнерман. — Дай это переварить.

— Эх, Гриша, слаб ты на восприятие серьёзной поэзии, — пренебрежительно скривил губы Лямкин. — А вот молодой человек хочет послушать настоящую поэзию. Ведь так? — обратился поэт к Костику.

Костик согласно кивнул и застенчиво сказал: — Да, хотелось бы послушать кого-нибудь. — В смысле — кого-нибудь? — набычился Лямкин. — Ну, Вознесенского или Евтушенко, например, — тихо произнёс Костик две пришедшие на ум фамилии.

— Дерьмо и дерьмо! — брезгливо вытянул губу Лямкин.

— В смысле? — не понял Костик.

— В смысле — два дерьма, — ответил поэт.

— Ну, может, тогда Ахматову или Цветаеву?

— Дерьмо и дерьмо!

— Ахматова и Цветаева? — недоверчиво посмотрел на Лямкина Костик.

— Ахматова и Цветаева — ещё два дерьма.

— Да вы что?! Как же так? Ну а Пастернак, Блок, Есенин?

— Ещё те вонючки, одна тошнота,— изобразил отрыжку Лямкин и обратился к кажущемуся безучастным Юнерману:— Гриша, что за идиота ты привёл? Он ни черта не понимает в поэзии! — А Пушкин, Пушкин кто? — Костик приподнялся из-за стола.

— Дерьмо твой Пушкин!

— Всё! — ненавидяще произнёс Костик, схватил мускулистой рукой за ворот Лямкина и пинками начал подталкивать к выходу.

— Как ты смеешь?! — кричал, вырываясь, Леонид Лямкин. — Ты кого пинаешь? Ты ответишь! Ты пожалеешь! Я отомщу-у-у...

Вышвырнув поэта за порог, Костик вернулся назад к Юнерману, уверенный в том, что поставил своей выходкой крест на собственной карьере. Как же — выставил друга Григория Моисеевича! Каково было удивление Костика, когда он услышал:

— Молодец, Константин, наш человек. Быть тебе в нашей команде.

Через тридцать лет известный поэт Константин Ребров шёл на встречу со своими читателями в областную библиотеку. У центрального входа из салона «Тойоты» пожилая женщина вытаскивала две небольшие упаковки книг.

— Давайте я помогу донести,— предложил свои услуги Ребров.

— Вот спасибо,— обрадовалась женщина. — Тут рядом, на второй этаж, в хранилище.

Поднявшись на второй этаж, Ребров поинтересовался:

— А кого я нёс-то, скажите?

— Да этого... Леонида Лямкина.

— Вот чёрт,— рассмеялся Ребров, хлопнув себя по бокам. — Отомстил всё-таки старый графоман, заставил себя на руках носить!